

Н. С. Клименко

Гендерные интерпретации репродуктивных стратегий в культуре современного российского общества

Неизбежным следствием трансформаций социума является трансформация культуры. Актуальность изучения трансформаций репродуктивной культуры современного российского общества возрастает ввиду очевидного присутствия в данном обществе кризиса гендерной культуры на макросоциальном и микро-социальном уровнях. Гендерная стереотипизация в сфере прокреации все чаще вступает в противоречие с многообразием как маскулинных, так и фемининных репродуктивных сценариев, демаркацией норм и патологий репродуктивного поведения.

Гендерный подход в изучении репродуктивного поведения современных российских мужчин и женщин в рамках данной статьи направлен на типологизацию и анализ маскулинных и фемининных репродуктивных сценариев – от наиболее конформных (пронаталистских) до оппозиционных (антинаталистских). Отказ от абсолютизации натуралистического подхода к интерпретации материнства и отцовства в пользу анализа социокультурных составляющих актуальных на сегодняшний день фемининных и маскулинных репродуктивных стратегий гораздо больше отвечает как общественным потребностям, так и запросам современной гуманитарной науки.

Ключевые слова: репродуктивная культура, сексуальная культура, репродуктивный выбор, маскулинный репродуктивный сценарий, фемининный репродуктивный сценарий, гендерная асимметрия родительства, антинатализм

Natalia S. Klimenko

Gender interpretations of reproductive strategies in the culture of modern Russian society

Transformation of society inevitably leads to transformation of culture. The relevance of studying the reproductive cultural transformations of modern Russian society is increasing due to the obvious presence of gender crisis at the macrosocial and microsocal levels. Gender stereotyping in procreation is increasingly in conflict with the variety of masculine and feminine reproductive scenarios, the demarcation of norms and pathologies of reproductive behavior.

The gender approach in studying of reproductive behavior in modern Russian men and women in this article is aimed to typologize and analyze masculine and feminine reproductive scenarios – from the most conformal (pronatalistic) to oppositional (antinatalistic). The rejection of the totally naturalistic approach to the interpretation of motherhood and fatherhood in favor of analyzing the sociocultural components of the currently relevant feminine and masculine reproductive strategies is much more responsive to the social needs and the demands of modern humanitarian science.

Keywords: reproductive culture, sexual culture, reproductive choice, masculine reproductive scenario, feminine reproductive scenario, gender asymmetry of parenthood, antinatalism

DOI 10.30725/2619-0303-2020-3-41-45

Традиционная натуралистическая интерпретация материнства и отцовства как проявления имманентной биологической потребности в продолжении рода на сегодняшний день теряет свою актуальность в связи с сепарацией сексуальности и репродукции, а также по причине стремительно возрастающей субъективации маскулинных и фемининных репродуктивных стратегий. Несмотря на то, что необходимость продолжения рода (социального воспроизводства) остается несомненной на уровне коллективного сознания, на уровне индивидуального сознания потребность в деторождении (про-

креации) все чаще вступает в конфронтацию не только с репродуктивными возможностями конкретного мужчины или женщины, но и с его или ее личностными ценностями, потребностями и желаниями. Разрушение унифицированной маскулинной и фемининной репродуктивной схемы «сын-отец-дедушка» и «дочь-мать-бабушка», с одной стороны, говорит о демократизации репродуктивной культуры современных развитых обществ, расширении репродуктивных прав и свобод личности, с другой – многообразие репродуктивных форм часто приводит к неопределенности и затрудне-

нии в осознании собственных прокреационных потребностей, неизбежно влечет за собой кризис института семьи и нарастание антинаталистских и депопуляционных настроений.

Несмотря на определенную ригидность, репродуктивная культура современного российского общества испытывает на себе влияние глобализационных процессов – трансформаций гендерной и репродуктивной культуры западных обществ, выраженных в размывании полоролевых границ, а также в девальвации прокреационных ценностей и популяризации антинаталистских позиций.

Очевидно, что в XXI в. под воздействием разнообразных экономических, социальных и личностных факторов российские мужчины и женщины не спешат обзаводиться потомством. Подобное откладывание реализации прокреационных стратегий нередко соседствует с сомнениями в необходимости деторождения как таковой [1, с. 130]. На сегодняшний день российское общество столкнулось с беспрецедентной трансформацией материнства и отцовства как базовых социокультурных ценностей, что актуализирует необходимость культурологического анализа современных репродуктивных практик, конкретизации аксиологического и семантического содержания репродуктивной культуры как неотъемлемой составляющей культуры в целом.

М. А. Беляева определяет репродуктивную культуру как «один из культурных модусов социальной организации общества, представляющий собой исторически трансформирующуюся систему ценностей, верований, норм, знаний, умений и материальных средств, регулирующих репродуктивное поведение человека» [2, с. 77]. Вышеуказанный автор приводит довольно качественный анализ репродуктивной культуры – ее практико-поведенческих, когнитивных, ценностно-нормативных составляющих. Так же довольно уместным, на наш взгляд, является разграничение и концептуализация М. А. Беляевой таких понятий, как «сексуальность», «репродукция» и «прокреация». Репродукция, по мнению М. А. Беляевой, представляет собой более широкое понятие, включающее в себя как реализацию, так и возможное сдерживание фертильности, в то время как прокреация направлена исключительно на деторождение, т. е. реализацию пронаталистского вектора репродуктивного поведения [2, с. 64–69].

Разграничение же сексуальности и репродукции, а уж тем более сексуальности и прокреации, на сегодняшний день является неизбежным следствием сексуальной революции XX в., распространения контрацепции, снижения роли религиозных представлений о тожде-

ственности сексуальности и воспроизводства в общественном сознании большинства развитых обществ.

Как ни парадоксально это звучит, но сексуальное и репродуктивное поведение на сегодняшний день часто являются антагонистами [2], так как сведение интима исключительно к зачатию лишает его спонтанности и необходимой эмоциональности, подчиняет время и технику полового акта графику овуляции, сводит восприятие полового акта к анализу и оценке его результата, нивелируя значимость самого процесса.

Бесспорным также является тот факт, что антинаталистские настроения, выраженные в добровольном отказе от деторождения, на сегодняшний день не подразумевают под собой неизбежный отказ от сексуальной жизни. Напротив, значительное число молодых мужчин и женщин активного репродуктивного возраста сознательно сдерживают свою фертильность именно в связи со страхом утратить собственную сексуальную привлекательность (данный мотив все же более актуален для женщин), риском свести на нет гармонию и свободу в сексуальных отношениях. Модификация гендерной культуры западных обществ, популяризация идеи отказа от бинарности восприятия пола в пользу многообразия гендерных форм так же не способствует популяризации пронаталистских настроений и актуализации семейных ценностей.

Таким образом, в большинстве современных развитых обществ на сегодняшний день присутствует беспрецедентная трансформация ценностных оснований человеческого воспроизводства, дифференциация личностного подхода к реализации собственной фертильности как на маскулинном, так и на фемининном уровнях. Российское общество хоть и отстает в реализации этих противоречивых, с точки зрения прогрессивности, гендерных и репродуктивных тенденций, но и не является исключением на данном проглобализационном фоне.

В рамках данной статьи мы не стремимся декларировать необходимость «возрождения» высокого аксиологического статуса материнства и отцовства в современном российском обществе. На наш взгляд, более целесообразной в рамках гендерного подхода к анализу репродуктивной культуры (в нашем случае, репродуктивной культуры современного российского общества) является деконструкция материнства и отцовства как социокультурных концептов. Данная стратегия подразумевает под собой выявление, типологизацию и дальнейшее изучение многообразия фемининных и маску-

линых репродуктивных сценариев как дифференцированного проявления репродуктивной культуры в современном российском обществе.

Присутствие альтернативных маскулинных и фемининных репродуктивных сценариев, направленных на реализацию, игнорирование или сдерживание собственной фертильности, напрямую связано с проблемой репродуктивного самоопределения (М. А. Беляева) или репродуктивного выбора (А. Шадрина). В своих работах А. Шадрина анализирует проблему репродуктивного выбора в контексте фемининной репродуктивной культуры как осознание и принятие женщиной факта неоднородности репродуктивных сценариев и допустимости реализации ею индивидуальных репродуктивных практик как пронаталистской, так и антинаталистской направленности, исходя из собственных личных потребностей, а не из предписаний социума [3].

Вышеупомянутый автор рассматривает право на репродуктивный выбор для женщины как беспрецедентное, по сути, революционное проявление социальных и культурных трансформаций. На наш взгляд, новизна этого явления слегка преувеличена, так как женщина на протяжении всей истории имела возможность реализовать собственный репродуктивный сценарий, не соответствующий запросам конкретного общества. Вопрос заключается лишь в масштабах данного явления и социальных последствиях (в том числе, рисках) данного выбора для женщины на разных этапах истории человечества. При этом стоит отметить, что репродуктивный выбор на уровне фемининных репродуктивных практик не всегда находится в оппозиции к пронаталистским общественным установкам. Большинство женщин на сегодняшний день продолжают следовать классическому пронаталистскому репродуктивному сценарию, ориентированному на создание семьи и рождение детей.

Анализируя понятие «репродуктивный выбор», А. Шадрина отказывается от эссенциального подхода в пользу социально-конструктивистского и ставит под сомнение восприятие продолжения рода как выражения желания и субъективных потребностей самих женщин. По мнению автора, во многом к рождению детей их побуждает культура: «Материнская работа окружена многочисленными мифами, согласно главному из которых желание рожать и заботиться, а также навыки ухода за детьми встроены в женскую биологию. Еще десятилетие назад в русскоязычных медиа нередко можно было встретить публикации, приписывающие женщинам, отказывающимся от материнства, “психические расстройствa” и “диагностирую-

щие” у них “генетические отклонения”... Массовое сокращение рождаемости свидетельствует о том, что репродуктивное поведение определяется не только биологическим фактором, но и способом организации общественной структуры. Кроме того, доминирующая материнская идеология с ее мифологизированным образом “хорошей матери” вытесняет многообразие субъективностей и опытов: не все люди, рожденные в женском теле, хотят быть матерями, не все родившие хотели этого, не все давшие жизнь заботятся о детях, не все матери – биологические» [4, с. 23].

На наш взгляд, наиболее актуальной для изучения в рамках гуманитарного знания является фемининная составляющая репродуктивной культуры российского общества по причине ее противоречивости как на уровне общественного, так и на уровне индивидуального сознания. С одной стороны, Россия стала одной из первых стран, где были легализованы аборты по желанию женщины, после прихода советской власти, с другой – многими исследователями отмечается корреляция женского начала именно с образом матери в рамках российской традиционной гендерной культуры (Е. О. Цалко, О. В. Рябов). В силу длительного господства языческих традиций, связанных с культом порождения, в рамках российской гендерной культуры сформировался устойчивый фемининный архетип женщины-матери, впоследствии эволюционировавший в советский гендерный контракт «Работающая Мать» и на долгое время определивший фемининные репродуктивные пронаталистские стратегии на советском и постсоветском пространстве.

В XXI в. возрастание женской автономности коррелирует с популяризацией альтернативных репродуктивных стратегий. В одной из наших предыдущих статей была представлена типология современного российского материнства, включающая в себя такие репродуктивные сценарии, как «яжемать», «мать», «немать», «небиологическая мать», «чайлдфри», «чайлдохейт» [5, с. 128]. В основе представленной классификации находится разнообразие аксиологических интерпретаций и практических реализаций женских репродуктивных стратегий. И если физиологическая составляющая представленных фемининных репродуктивных практик дифференцируется от стратегии сдерживания или игнорирования собственной фертильности до ее фактической реализации, то социокультурная их составляющая включает в себя личностную и социальную рефлексию самого концепта материнства и его аксиологического содержания.

«Яжемать» и «мать» – примеры фемининных репродуктивных сценариев прокреационной направленности, при этом первый из них (само слово «яжемать» получило свое распространение в качестве хештега в социальных сетях) представляет собой гипертрофированную форму активной реализации материнских практик, характеризуемую эгоистичной направленностью на удовлетворение потребностей своего ребенка в ущерб комфорту и правам окружающих. «Яжемать» склонна не только проявлять максимальную детоориентированность и уверенность в своем привилегированном положении, но и активно выражать нетерпимость по отношению к женщинам, реализующим иные репродуктивные сценарии. Недостаточная вовлеченность в интересы ребенка является для «яжематери» показателем «плохой матери», вынужденный отказ от рождения детей – платой за грехи, добровольный отказ от воспроизводства – пренебрежением «биологическим долгом», проявлением женского эгоизма и всеобщего падения нравов.

«Мать», в отличие от «яжематери», несмотря на прокреационную направленность реализации репродуктивных практик, не склонна абсолютизировать свой материнский опыт. В нашей классификации «Мать» представляет собой адекватный тип материнства, характеризующийся отсутствием патологического детоцентризма, а также склонности к стигматизации женщин с противоположными взглядами на воспитание или женщин, не имеющих или даже не планирующих детей [5, с. 128–129].

«Небиологическая мать» – это тип социального, но не биологического материнства, включающий в себя реализацию разнообразных семейных форм воспитания (опека, попечительство, усыновление и т. д.). М. А. Беляева определяет данные репродуктивные практики как «социальное преодоление бесплодия», на пути у которого часто встает прокреационная интенциональность [2, с. 106]. Снижение принципиальности последней на уровне общественного сознания ведет к популяризации идеи социального материнства как оптимального способа преодоления репродуктивных сложностей.

«Немать», «чайлдфри» и «чайлдхейт» – все три типа связаны с отсутствием реализации материнских практик, при этом если для «нематери» это связано с объективными факторами (проблемы со здоровьем, отсутствие материальных возможностей или подходящего партнера), то для «чайлдфри» и «чайлдхейт» сдерживание фертильности представляет собой интенциональность субъективного репродуктивного сознания [6, р. 6–7].

В английском языке «немать» можно определить как «childless» (бездетный), в противовес данному понятию добровольно бездетные называют себя «childfree» (свободный от детей), подчеркивая, что в основе их бездетности лежит свобода выбора, а не физиологические или социальные ограничения [7, р. 370].

«Чайлдхейт» (ненавидящий детей), в отличие от «чайлдфри», характеризуются не только неконформностью по отношению к репродуктивному пронатальному мейнстриму, но и нездоровой агрессией по отношению к матерям и их детям. Наиболее активно «чайлдхейт» проявляют себя в Интернете на уровне форумных баталий между матерями и бездетными.

Типология современного российского отцовства может быть представлена как маскулинная интерпретация описанных выше фемининных репродуктивных сценариев. Маскулинная реализация предельной детоориентированности в стиле «яжемать» – явление для российской репродуктивной культуры довольно редкое ввиду имманентно присущей ей гендерной асимметрии родительства. Российский маскулинный репродуктивный сценарий всегда подразумевал под собой заботу исключительно на внешнем уровне (защита, финансовое обеспечение), но абстрагировал мужчину от когнитивного и духовного погружения во все тонкости перинатальных и послеродовых практик. Во многом это было обусловлено исторической необходимостью в оборонительных войнах, в связи с чем мужчина воспринимался скорее не как отец, а как защитник (образ богатыря в богатырском эпосе, образ фронтовика в рамках советской гендерной культуры).

На сегодняшний день намечается очевидное сглаживание гендерных различий в рамках российской репродуктивной культуры. Появление в рамках интернет-коммуникации выражения «яжебать» по аналогии с «яжематерью» говорит о том, что российское общество, пусть и в шуточной форме, пытается определить и концептуализировать новое для российской репродуктивной культуры явление – предельную детоориентированность на грани неадекватности, но уже в мужской интерпретации. Маскулинную реализацию остальных репродуктивных сценариев можно определить как «отец», «неотец», «небиологический отец» и соответственно – «чайлдфри» и «чайлдхейт».

«Мать» и «отец», на наш взгляд, являются наиболее адекватными, социально значимыми и в то же время нейтральными интерпретациями родительства в рамках современной российской репродуктивной культуры. Возникновение альтернативных маскулинных и фемининных ре-

продуктивных сценариев, с одной стороны, привносит в культуру качественное разнообразие, с другой – является причиной неопределенности и многих противоречий.

Противоречия современной российской репродуктивной культуры выражены в присутствии все еще актуальной проблемы гендерно асимметричного родительства, в нарастании антинаталистских, но в то же время актуализации детоцентристских настроений, дефиците культурно-антропологического осмысления репродуктивных практик по причине преобладания медицинского вектора в проблематике данной сферы.

Дифференциация современных маскулинных и фемининных репродуктивных сценариев проблематизирует соотношение понятий репродуктивного выбора и репродуктивного конформизма, что напрямую связано с темой толерантности по отношению к репродуктивному «инакомыслию». Все вышесказанное актуализирует дальнейшую необходимость изучения маскулинной и фемининной интерпретации репродуктивных практик в современном российском обществе с точки зрения аксиологического, семантического, социально-конструктивистского и гендерного подходов.

Список литературы

1. Архангельский В. Н. Репродуктивное и брачное поведение // Социологические исследования. 2013. № 2. С. 129–136.
2. Беляева М. А. Культура репродуктивного поведения в российской повседневности: монография. Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т, 2011. 256 с.
3. Шадрина А. Не замужем: секс, любовь и семья за пределами брака. Москва: Новое лит. обозрение, 2014. 234 с.
4. Шадрина А. Дорогие дети: сокращение рождаемости и рост «цены» материнства в XXI веке. Москва: Новое лит. обозрение, 2017. 392 с.

5. Клименко Н. С., Карелина Н. А. Материнство как социокультурный концепт (типология, трансформация, перспективы) // Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств. 2019. № 46. С. 126–130.

6. Basten S. Voluntary Childlessness and being Childfree / St. John's College Oxford, Vienna Inst. of Demography. Oxford; Vienna, 2009. 23 p. (The future of human reproduction: working paper № 5). URL: <https://citeseerx.ist.psu.edu/viewdoc/download?doi=10.1.1.701.9495&rep=rep1&type=pdf> (дата обращения: 2.08.2020).

7. Park K. Choosing childlessness: Weber's typology of action and motives of the voluntarily childless // Sociological Inquiry. 2005. № 3. P. 372–402.

References

1. Archangelskiy V. N. Reproductive and nuptial behavior. *Sociological researches*. 2013. 2, 129–136 (in Russ.).
2. Belyaeva M. A. Culture of reproductive behavior in Russian everyday life. Yekaterinburg: Ural State Ped. Univ., 2011. 256 (in Russ.).
3. Shadrina A. Not married: sex, love and family out of marriage. Moscow: Novoe lit. obozrenie, 2014. 234 (in Russ.).
4. Shadrina A. Costly children: reducing of birth rates and rising «price» of maternity in XXI century. Moscow: Novoe lit. obozrenie, 2017. 392 (in Russ.).
5. Klimentko N. S., Karelina N. A. Motherhood as a sociocultural concept (typology, transformation, prospects). *Bulletin of Kemerovo State University of Culture and Art*. 2019. 46, 126–130 (in Russ.).
6. Basten S. Voluntary Childlessness and being Childfree / St. John's College Oxford, Vienna Inst. of Demography. Oxford; Vienna, 2009. 23. (The future of human reproduction: working paper № 5). URL: <https://citeseerx.ist.psu.edu/viewdoc/download?doi=10.1.1.701.9495&rep=rep1&type=pdf> (accessed: Aug. 2.2020).
7. Park K. Choosing childlessness: Weber's typology of action and motives of the voluntarily childless. *Sociological Inquiry*. 2005. 3, 372–402.